ŋqdqɏeɎ bɆ dedɆbɎзə d ɕcabcɏ Ɉqddɏqɏè

Аполлон Григорьев

Письмо к М. П. Погодину от 26 августа-7 октября 1859 г.

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. mailto:bmn@lib.ru

Авг<уста> 26 <1859 г.>. Полюстрово {1}

Не имея покамест никаких _обязательных_ статей под руками, я намерен изложить вам кратко, но с возможной полностью, все, что случилось со мной внутренне и внешне с тех пор, как я не писал к вам из-за границы. Это будет моя исповедь - без малейшей утайки.

Последнее письмо из-за границы я написал вам, кажется, по возвращении из Рима. {2} Кушелев дал мне на Рим и на проч. 1 100 пиастров, т. е. на наши деньги 1 500 р. Из них я половину отослал в Москву, обеспечив таким образом, на несколько месяцев, свою семью, да 400 пошло на уплату долгов; остальные промотаны были в весьма короткое время безобразнейшим, но благороднейшим образом, на гравюры, фотографии, книги, театры и проч. Жизнь я все еще вел самую целомудренную и трезвенную, хотя целомудрие мне было физически страшно вредно - при моем темпераменте жеребца: кончилось тем, что я равнодушно не мог уже видеть даже моей прислужницы квартирной, с<ин>ьоры Линды, хоть она была и грязна, и нехороша. _Теоретическое_ православие простиралось во мне до соблюдения всяких постов и проч. Внутри меня, собственно, жило уже другое - и какими софизмами это другое согласовалось в голове с обрядовой религиозностью - понять весьма трудно простому смыслу, но очень легко - смыслу, искушенному всякими доктринами. В разговорах с замечательно восприимчивым субъектом, флорентийским попом, {3} и с одной благородной, серьезной женщиной {4} - диалектика увлекла меня в дерзкую последовательность мысли, в сомнение, к которому из 747 1/2 расколов православия (y comptant {считая (франц.).} и раскол официальный) принадлежу я убеждением: оказывалось ясно как день, что под православием разумею я сам для себя просто известное, стихийно-историческое начало, которому суждено еще жить и дать новые формы жизни, искусства, в противуположность другому, уже отжившему и давшему свой мир, свой цвет началу - католицизму. Что это начало, на почве славянства, и преимущественно великорусского славянства, с широтою его нравственного захвата - должно обновить мир, - вот что стало для меня уже не смутным, а простым верованием - перед которым верования официальной церкви иже о Христе жандармствующих стали мне положительно скверны (тем более, что у меня вертится перед глазами такой милый экземпляр их, как Бецкий, {5} - этот пакостный экстракт холопствующей, шпионничающей и надувающей церкви), - верования же социалистов, которых живой же экземпляр судьба мне послала в лице благороднейшего, возвышенного старого ребенка изгнанника Демостена Оливье, - ребяческими и теоретически жалкими. Шеллингизм (старый и новый, он ведь все - один) проникал меня глубже и глубже - бессистемный и беспредельный, ибо он - жизнь, а не теория.

Читали вы, разумеется, брошюру нашего великого софиста: "Derniers mots d'un Chretien ortodoxe"... {"Последнее слово православного христианина" (франц.).} {6} Она, кстати, попалась тогда мне в руки, и я _уразумел_, как он себя и других надувает, наш милейший, умнейший софист! Идея Христа и понимание Библии, раздвигающиеся, расширяющиеся с расширением сознания _общины, соборне_, в противуположность омертвению идеи Христа и остановке понимания Библии в католичестве и в противуположность раздроблению Христа на личности и произвольно-личному толкованию Библии в протестантизме - таков широкий смысл малой по объему и великой по содержанию брошюрки, если освободить этот смысл из-под спуда византийских хитросплетений.

Духовный отец мой, флорентийский священник, увлекаемый своим впечатлительным сердцем к _лжемудрию_ о свободе и отталкиваемый им же от мудрости Бецкого, ходил все ко мне за разрешением мучительных, вопросов, и я воочью видел, сколь нетрудно снискать ореолу православия.

Внешние дела обстояли благополучно. Старуха Трубецкая, {7} как истый тип итальянки, как только узнала, что у меня есть деньги, стала премилая. Князек {8} любил меня, насколько может любить себялюбивая натура

ŋqdqɏeɎ bɆ dedɆbɎзə d ɕcabcɏ Ɉqddɏqɏè